

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Предтечи. Размышления о предыстории Коммунистической партии Венесуэлы

Официальная дата основания Коммунистической партии Венесуэлы (5 марта 1931 г.) не в полной мере учитывает историю отношений венесуэльских коммунистов с Коминтерном. В статье исследованы установленные еще в 1920-е годы контакты между коммунистической группой руководителей Венесуэльской революционной партии и Континентальной революционной группы и Москвой. В ходе переговоров венесуэльцы пытались добиться от Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) и Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР поддержки плана вооруженной экспедиции в Венесуэлу для свержения диктатуры Хуана Висенте Гомеса (1908—1935). Москва, однако, отвергла «гарибальдийский путь» венесуэльской революции, потребовав сформировать внутри страны пролетарскую партию.

Ключевые слова: Коминтерн, Венесуэльская революционная партия, Рабочий союз Венесуэлы, Континентальная революционная группа, «гарибальдийский путь».

В 2011 г. отметила свой 80-летний юбилей Коммунистическая партия Венесуэлы (Partido Comunista de Venezuela, PCV). В истории старейшей политической партии страны немало ярких и драматичных моментов, связанных с борьбой против диктатур и за реализацию целого ряда социальных требований. В целом о венесуэльской секции Коминтерна написано немало как ее противниками, так и сторонниками. В годы диктаторского режима Лопеса Контераса (1935—1941) был издан сборник документов, содержание которого должно было доказать «преступный, заговорщический» характер деятельности партии¹. Опубликованы мемуары руководителей PCV Хуана Баутисты Фуэнмайора и Хесуса Фариа, книги о жизнен-

¹ Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ (ilaranspb@hotmail.com); Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, представитель ИЛА РАН в Санкт-Петербурге (ilaranspb@hotmail.com).

ном пути исторических лидеров партии Густаво и Эдуардо Мачадо, Сальвадора де ла Пласы, исторические исследования Мануэля Кабальеро². Но в истории PCV до сих пор остается множество лакун.

Одной из основных проблем историографии является отсутствие четких критериев, позволяющих определить, с какого момента следует отсчитывать время существования партии, в какой исторический момент деятельность венесуэльских коммунистов стала представлять собой работу организованной силы, части политического спектра Венесуэлы. Для определения даты основания партии Центральным комитетом PCV была создана специальная комиссия под руководством члена Политбюро ЦК Э.Гальегоса Мансеры, которая приняла за дату создания PCV день начала деятельности первой ячейки — 5 марта 1931 г. Против этого вердикта высказался входивший в комиссию член Политбюро, секретарь ЦК Р.Х.Кортес. Он настаивал на том, что исторический путь партии надо отсчитывать с момента открытия ее Первой национальной конференции — 8 августа 1937 г. Одним из доводов для обоснования решения комиссии был факт признания PCV полноправной секцией Коминтерна VII всемирным конгрессом (1935 г.)³. Определенная логика в таком подходе есть — ведь рассматривать деятельность любой компартии вне контекста международного коммунистического движения невозможно. В официальной истории PCV говорится о том, что, следуя своим теоретическим установкам, III Интернационал поддерживал создание компартий во всех странах для организации пролетарских масс в борьбе за власть, а в международном плане — для борьбы с империализмом. И для решения этой задачи региональный орган Коминтерна Карибское бюро ИККИ направило братьев Фортуль в Венесуэлу с целью упорядочения уже предпринятых внутри страны усилий. Им были предоставлены организационные полномочия, которыми не располагали первые коммунисты⁴. Таким образом, история контактов венесуэльских коммунистов с Коминтерном отсчитывается с 1931 г.

Тем не менее, отношения венесуэльских коммунистов с III Интернационалом и компартиями других стран сложились задолго до официальной даты основания PCV. Это обстоятельство позволяет утверждать: история партии началась задолго до формирования первой ячейки. Отдельные эпизоды, связанные с деятельностью первых коммунистов Венесуэлы, упоминаются в литературе⁵, но генетической связи между ними и основанием венесуэльской секции Коминтерна авторы не искали. А она, безусловно, есть.

ОСНОВАНИЕ ВЕНЕСУЭЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ЕЕ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ

В период диктатуры Гомеса политические репрессии и нищета заставили многих венесуэльцев покинуть родину. Попытки создания антидиктаторских партий и групп на корню пресекались авторитарным режимом. Из страны эмигрировали более 50 тыс. человек, большая их часть — по политическим мотивам. Для государства с населением в 3 млн жителей это огромное число.

В изгнании формировались оппозиционные диктатуре группы разных направлений⁶. Одной из них стал Венесуэльский рабочий союз (Unión Obrera Venezolana, UOV), образованный в декабре 1923 г. в Нью-Йорке

Генерал Хуан Висенте Гомес

Х.Х.Лопесом и членом Пуэрториканской социалистической партии (Partido Socialista Puertorriqueño, PSP) Л.Муњосом Марином (в 1949—1964 г. — губернатор Пуэрто-Рико (с 1952 г. — Свободно присоединившееся государство Пуэрто-Рико) для объединения рабочих-эмигрантов и подготовки их к возвращению в Венесуэлу. С самого начала UOV являлся скорее политической, чем профсоюзной организацией. Его основатели не собирались заниматься собственно профсоюзной деятельностью в тех странах, где проживали его члены, поскольку те работали в разных отраслях производства. Для борьбы за экономические права им рекомендовалось вступать в местные профсоюзы. Главной задачей UOV руководство считало «революционную пропаганду среди эмигрантских масс, проповедующую свержение тирании Гомеса»⁷. UOV был принят в реформистскую Панамериканскую федерацию труда (Pan-American Federation of Labor, PAFL), влияние и помощь которой могли быть полезными для борьбы с диктатурой в Венесуэле.

Отношение коммунистов и сторонников Профинтерна к последователям Гомперса⁸ было отрицательным. В журнале Американской антиимпериалистической лиги «El Libertador» писали: «Что сделала Панамериканская Рабочая Федерация [так PAFL называлась в документах Профинтерна и Коминтерна. — В.Х., Л.Х.] для эксплуатируемых народов Америки? Чем она помогла исправить ужасное положение латиноамериканских рабочих и крестьян? Слова, слова, слова»⁹.

В середине 1920-х годов латиноамериканские коммунисты стали задумываться о трансформации PAFL в орудие классовой борьбы посредством участия в деятельности ее профцентра делегатов от «крупных, подлинно пролетарских организаций, например, из Аргентины, Чили и Уругвая». Возможность отказа в приеме в ряды PAFL профсоюзов, стоявших на позициях классовой борьбы, рассматривалась левыми как весьма вероятная, и в этом случае тактически верным представлялось направление «подлинно антиимпериалистическими организациями» делегатов на ближайший конвент федерации.

Коминтерн и Профинтерн дали своим сторонникам в Латинской Америке инструкции о необходимости участия в конвенте PAFL, но было поздно: прежние директивы были обструкционистскими, и многие профсоюзы уже сообщили секретарю PAFL С.Иглесиасу об отказе послать делегатов. Представитель Коминтерна в Мексике Эдгар Воог («Штирнер») переслал коммунистическим организациям Гватемалы, Колумбии и Эква-

дора новую директиву, но заранее предупредил московское руководство, что участие делегатов затруднено в связи с высокими дорожными расходами, и предложил переслать мандаты политическим эмигрантам из Венесуэлы, Сальвадора и Колумбии, находившимся в Нью-Йорке¹⁰. Таким образом, уникальный шанс открыто изложить позиции революционных профсоюзов лидерам и рядовым членам панамериканского реформистского профцентра, поучаствовать в мероприятиях, от которых ранее рабочих призывали держаться подальше, оказался только у UOV, чье руководство к тому времени перешло к коммунистической фракции.

В ходе дискуссии на V конвенте PAFL (Вашингтон, 1927 г.) председатель UOV, член Рабочей (коммунистической) партии Америки (Workers (Communist) Party of America, W(C)P of A) венесуэлец Рикардо Мартинес вместе с делегатом из Никарагуа внесли проект резолюции, в которой правительство США было названо империалистическим, а доктрина Монро — «инструментом империализма США»¹¹. И хотя поставленная цель не была достигнута — «разбить Гомперса» на конвенте и в целом в рамках PAFL, позиция революционных профсоюзов была заявлена на вашингтонском конклаве четко и бескомпромиссно. Однако демарш UOV стал одиночным выстрелом, а его политическая активность после отъезда Мартинеса в Москву свелась к минимуму.

Самый деятельный центр венесуэльской политической эмиграции сформировался в Мексике. Правящий режим страны, декларировавший приверженность идеалам Мексиканской революции 1910—1917 гг., толерантно относился к деятельности венесуэльской диаспоры в Мексике, направленной против авторитаризма Гомеса. Огромные запасы нефти в Мексике и Венесуэле, привлекавшие к себе внимание английских и американских компаний, сделали обе страны своеобразным полигоном для экспансии империализма. Понимание общности судеб естественным путем вело революционную и/или националистическую элиту двух стран к попыткам выработать единую позицию, которая априори была антиамериканской. Серьезный конфликт мексиканских властей с американскими нефтяными магнатами, развернувшийся в 1920-е годы, пользовавшимся негласной поддержкой властей США, неизбежно вынуждал Мексику искать потенциальных союзников.

Мексиканская революционная элита пристально наблюдала за событиями в братской карибской стране. Это внимание было абсолютно естественным: Венесуэла расценивалась как «третья граница Мексики». Активными пропагандистами кампании солидарности с революционным движением Венесуэлы выступали видные мексиканские политики и интеллектуалы Хосе Васконселос и Карлос Пельисер, жестко осуждавшие режим Гомеса. 12 октября 1920 г. Васконселос, поддерживавший контакты с эмигрантами в Нью-Йорке и знакомый с антигомесовскими заявлениями Венесуэльской революционной хунты в Гаване, очертил общие контуры позиции Мексики по венесуэльскому вопросу. Хотя мексиканский МИД после протестов Каракаса отмежевался от декларации философа, силу заявлению Васконселоса придала решительная поддержка его точки зрения военным министром Плутарко Элиасом Кальесом. Позиция Васконселоса была предельно четкой: революционное и националистическое правительство Мексики не может спокойно относиться к олигархическому и тирани-

ческому режиму «самого чудовищного и отталкивающего из всех деспотов». Позднее он отозвался о Гомесе еще жестче, назвав его «свиньей», которую «защищают иностранные компании, эксплуатирующие страну»¹².

Позиция мексиканской политической элиты сближала венесуэльскую антигомесовскую диаспору с широким антиимпериалистическим альянсом, формировавшимся в середине 1920-х годов под эгидой Коминтерна.

В 1920—1921 гг. правительство Мексики предоставило убежище ряду венесуэльцев, в том числе бывшему губернатору Каракаса Карлосу де Леону, участвовавшему в антидиктаторском мятеже 1919 г., и Мигелю Суньиго Сиснеросу, представителю Федерации студентов Венесуэлы (*Federación de estudiantes de Venezuela, FEV*) на Первом национальном конгрессе студентов в Мехико, организованном Васконселосом. Тогдашний губернатор штата Юкатан, бывший коммунист Фелипе Каррильо Пуэрто, назначил де Леона своим специальным секретарем и предоставил в его распоряжение арсенал для подготовки антигомесовской экспедиции¹³. Идея вооруженной борьбы с диктатурой вполне укладывалась в логику мексиканской революции и мышления латиноамериканских интеллектуалов и рабочего движения: олигархический режим следовало свергнуть силой. Призывы же к мирному давлению в духе американского президента Вудро Вильсона (1913—1921), какими бы благими намерениями они ни были вызваны, не могли восприниматься иначе, как неприкрытое империалистическое давление для поддержки власти одиозного лидера.

В 1923—1924 гг. братья Мачадо, уже зарекомендовавшие себя как активисты коммунистического движения, получили от К. де Леона информацию о согласии правительства мексиканского президента Альваро Обрегона (1920—1924) предоставить оружие участникам т.н. «Революционного пакта Анхелита», намеревавшимся осуществить высадку в Венесуэле. Свою поддержку радикально настроенным венесуэльским эмигрантам выразил и следующий президент страны П.Э.Кальес (1924—1928)¹⁴.

Приезд братьев Мачадо и де ла Пласы в Мексику придавал новый импульс политической активности венесуэльской эмиграции в этой стране. Вместе с Суньигой и де Леоном они основали в 1926 г. Венесуэльскую революционную партию (*Partido Revolucionario Venezolano, PRV*), установившую связи со структурами Коминтерна и нацелившуюся на создание широкого антигомесовского альянса. Этот проект для венесуэльских эмигрантов, тесно сотрудничавших с местной секцией III Интернационала, стал новой возможностью для расширения партнерских отношений с политической элитой Мексики и открыл перспективу интеграции с международным коммунистическим движением.

Программа PRV отличалась широким интернационалистским видением. На это в немалой степени повлияло участие в ее деятельности активистов из различных стран Латинской Америки¹⁵, полагавших, что сопротивление империализму и борьба против диктатур не ограничиваются государственными границами. Главной целью партии провозглашалось свержение режима Гомеса, а в остальном мире — каудильизма и политиканов, думающих, что власть — это возможность жить за счет народа, а не служить ему¹⁶. На такой платформе могли объединиться самые разнообразные круги венесуэльской эмиграции.

Программа социальных преобразований PRV была не столь радикальной и, будучи компромиссной, преследовала цель антигомесовской революции. В аграрной сфере предполагалась конфискация собственности «тирана и его клики». Речи о широкомасштабной аграрной реформе с ликвидацией господства крупных земельных собственников не шло. Партия провозгласила своим долгом положить конец расовой дискриминации. Решить проблемы рабочего класса руководство PRV стремилось путем «освобождения рабочих от произвола капиталистов» и развития профсоюзных организаций. Основной угрозой для независимости «слабых народов» партия считала иностранный капитал, который всегда ищет предлоги для вмешательства во внутривнутриполитические дела «бедного народа». Свою задачу PRV видела в обеспечении равных условий для иностранного и национального капиталов и развитии государственной промышленности.

Сальвадор де ла Пласа, 1924 г.

Согласно программе партии, армия из обслуживающей тирана структуры должна была превратиться в силу, служащую народу. Возглавить ее после победы революции должны были «чистые, искренние революционеры, члены PRV». В программе объявлялась война укоренившейся в Венесуэле коррупции. При этом рецепт борьбы с этой проблемой выглядел несколько маниловским: привлечь в политику «честных людей», сделать так, чтобы «все венесуэльцы могли жить в свое удовольствие и чтобы нация была сильной»¹⁷. Одной из мер по контролю руководство партии считало направление профессиональными группами делегатов в органы власти. Этот принцип аналогичен механизму формирования Советов депутатов трудящихся, хотя об опыте СССР программа не упоминала. Важным требованием программы было отделение церкви от государства.

В организационном плане PRV стремилась к увеличению численности своих активистов за границей с их последующей инфильтрацией на венесуэльскую территорию. В результате в Венесуэле должно было сформироваться «правительство принципов, а не правительство одного руководителя». Только «сильная и хорошо организованная национальная партия, — утверждали создатели PRV, — сможет покончить с господством индивидуумов и поставить на их место господство идей»¹⁸. Даже из поверхностного анализа программы PRV видно: партия не была коммунистической, оставаясь широким революционным объединением с антиимпериалистической и демократической программой.

Под текстом программы партии, опубликованной в Мексике 1 июня 1927 г., стоят подписи Мигеля Суньиги Сиснероса и генерального секретаря Густаво Мачадо. Последний выполнял и другие функции. Осознавая, что далеко не всю антигомесовскую оппозицию устроит реализация в Венесуэле идеи всемирной революции под эгидой Коминтерна, коммунисты — основатели PRV создали внутри партии тайную Революционную континентальную группу (Grupo Continental Revolucionario, GCR). Ее цели и задачи радикально отличались от изложенных в общепартийной программе, рассматривавшейся как программа-минимум. Меморандум GCR, декларировавший, что она создается «с целью использовать для победы коммунизма в Америке благоприятную ситуацию, которая сложится в Венесуэле после победы готовящегося в настоящий момент вооруженного восстания», стал для левого крыла венесуэльской революционной эмиграции программой-максимум. Этой задачей GCR стремилась заинтересовать «все прогрессивные элементы, понимающие, что для торжества социальной революции в Америке пролетариат должен завоевать власть в одной из стран континента, чтобы создать базу для агитации и убежища, делающих возможной борьбу в других странах»¹⁹. Венесуэла рассматривалась как потенциальный плацдарм для развертывания континентальной революции и установления диктатуры пролетариата.

Были разработаны две программы: одна — секретных действий, другая — внешней деятельности. Лидеры GCR принимали в расчет «только тактику, поскольку идеологической программой является программа Коммунистической партии». Поэтому они считали необходимым держать в секрете свои цели после победы восстания, чтобы, с одной стороны, обеспечить участие в восстании GCR и широких масс, а с другой — не дать международному капиталу предлог помешать движению. Для развертывания вооруженной борьбы GCR была готова к созданию единого фронта со всеми организациями независимо от их социальной ориентации²⁰.

Континентальными масштабами мыслили в тот период не только братья Мачадо и Сальвадор де ла Пласа, но и другие лидеры латиноамериканского революционного движения. Вооруженную экспедицию на Кубу совместно с Националистическим союзом (Unión Nacionalista, UN) одновременно с венесуэльцами планировал лидер компартий Кубы и Мексики, генеральный секретарь Континентального комитета LADLA Хулио Антонио Мелья. Проект революционных действий, исходящих из Перу и распространяющихся на всю Южную Америку, предлагал Коминтерну основатель Американского народно-революционного альянса (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA) перуанец Виктор Рауль Айя де ла Торре²¹.

О программе организации сил для вооруженного восстания и свержения тирании в Венесуэле с самого начала было проинформировано руководство Коммунистической партии Мексики (Partido Comunista de México, PCM), оказывавшее венесуэльским товарищам всемерную моральную поддержку²².

В курсе планов PRV и GCR были делегаты Коминтерна, работавшие в Мексике. Полпред СССР и одновременно представитель исполкома Коминтерна С.С.Пестковский поддерживал дружеские отношения с латиноамериканской революционной эмиграцией: дипмиссию регулярно посещали кубинец Мелья, представители PRV де Леон, Суньига Сиснерос, Г.Мачадо и де ла Пласа²³. В ходе этих бесед, помимо прочих тем, обсужда-

лись возможности практического сотрудничества в деле подготовки вооруженной экспедиции в Венесуэлу. Как видно из дневника Пестковского, подобная постановка вопроса лично у него не вызывала сомнений. Его логика была проста: режим Гомеса был тираническим и поддерживался США. Наличие активной и энергичной оппозиции за пределами Венесуэлы создавало базу для развертывания антидиктаторского и антиимпериалистического движения, и упускать эту возможность было нельзя.

Отношение Коминтерна к венесуэльскому революционному движению в значительной мере формировалось на основе суждений делегатов Интернационала в Латинской Америке. Очевидно, что представления других посланцев Коминтерна, посещавших Мексику в тот период (Михаила Грольмана («Освальда») и Эдгара Воога («Штирнера»)), не расходились со взглядами полпреда²⁴. А вот у эмиссара ИККИ Бориса Михайлова («Вильямса», «Раймона»), побывавшего в 1926—1927 гг. в Южной Америке, сложилось более пессимистичное мнение о перспективах венесуэльского революционного движения. Планируя поездки по оказанию помощи национальным секциям Коминтерна на местах, Михайлов собирался изучить состояние дел в Коммунистической партии Аргентины (Partido Comunista de Argentina, PCA) и Южноамериканском секретариате Коминтерна (Secretariado Sudamericano de la Internacional Comunista, SSAIC), съездить в Уругвай, Чили, Боливию и Перу. От посещения Колумбии, Эквадора и Венесуэлы делегат Коминтерна отказался, посчитав визит туда нецелесообразным, ведь там «почти ничего нет, кроме бесформенных симпатизирующих групп»²⁵. Подобный подход к отбору стран для посещения свидетельствовал о недостаточной информированности и неправильном понимании в аппарате Коминтерна роли и значения тех или иных государств в развитии революционного движения на континенте²⁶.

Летом 1926 г. руководство GCR уполномочило Г.Мачадо «предпринять в Европе усилия по созданию секций в соответствии с тайной «Программой действий» и выполнить другие пункты программы «для достижения наших целей». Конечной целью миссии Мачадо было установление и поддержание «братских отношений» между правительством СССР и правительством, которое будет создано в Венесуэле после победы революции. Кроме того, Мачадо представлял GCR «по вопросу обсуждения с вами реализации того, о чем мы недавно говорили». Фраза туманная, но адресату письма — швейцарскому коммунисту Воогу, одному из ответственных в Коминтерне за связи с Латинской Америкой — не надо было объяснять, о чем идет речь.

Мачадо направил в исполком Коминтерна меморандум о планах вооруженного выступления PRV и GCR, настаивая на оказании экстренной помощи повстанцам: «Вы, товарищи, нынешние руководители мирового движения освобождения угнетенных <...> безусловно, понимаете [важность нашей акции]»²⁷.

Положение потенциальных инсургентов было неблагоприятным. Симпатизировавшие им представители мексиканского правительства стали проявлять нервозность, поскольку на протяжении длительного времени венесуэльцы не смогли найти корабль для транспортировки подаренного им оружия. Мачадо подчеркивал, что влияние коммунистов внутри PRV может усилиться, если они смогут найти необходимые деньги. К. де Леон предоставил Мачадо полномочия для переговоров по данному вопросу в России²⁸.

Посланник PRV и GCR просил ИККИ назначить эксперта по военным вопросам и политического представителя, «чтобы они с самого начала принимали участие в развитии указанного движения» и могли присоединиться к нему в Париже для совместной поездки в Мексику. Настаивая на необходимости получения от Коминтерна финансовой помощи, Мачадо подчеркивал срочность решения вопроса: «Нехватка 15 тысяч [долларов] сегодня в будущем приведет к потере 250 тысяч [долларов] для революции в Латинской Америке, не говоря о том, что мы упускаем уникальную возможность»²⁹.

Позицию венесуэльских революционеров Мачадо отстаивал на заседаниях в специальной комиссии и даже (по его словам) на заседании исполкома Коминтерна³⁰. Как он вспоминал позже, «все экспедиционные проекты были <...> восприняты как деятельность без опоры на внутреннюю социальную базу, и нам посоветовали проникнуть в страну и выстроить внутри рабочего класса, крестьянства и недовольных граждан революционную партию пролетариата. Нам сказали, что без коммунистической партии, укоренившейся в народных массах страны, смена правительства не приведет к реальной трансформации в обществе»³¹. Решающую роль в формулировании такого подхода сыграла четкая и категоричная позиция НКВД СССР. Замнаркома М.М.Литвинов недвусмысленно проинформировал секретариат ИККИ о нецелесообразности вступления его ведомства в официальные сношения с представителями венесуэльских революционеров³².

Мачадо, видимо, считая, что штаб мировой революции может действовать автономно от правительства СССР, попробовал переломить ситуацию. Уехав из Москвы, он писал в ИККИ о трудностях, созданных революционному правительству Венесуэлы Народным комиссариатом иностранных дел СССР: «Никто и не думал, что меня примут на официальном уровне или что СССР немедленно признает представляемое мной Революционное правит-во. Речь шла исключительно о неофициальных переговорах о наших отношениях в будущем, когда у власти в Венесуэле будет Революционное правит-во, о возможности признания со стороны СССР и том моменте, когда можно будет публично сообщить о признании со стороны СССР так, чтобы этот факт не скомпрометировал официальную либеральную демократию, на которую нас вынудит в первые месяцы пребывания у власти империализм янки». Чрезвычайный посланник «революционного правительства» Венесуэлы был обескуражен обструкционистской позицией московских инстанций. Лидеры эмиграции явно исходили из того, что штаб мировой революции и «родина всех пролетариев мира» не могут не отреагировать положительно на мольбу о помощи. Поэтому Мачадо решил выдать желаемое за действительное и проинформировал де Леона о том, что отношение СССР дружеское, а признание состоится в должный момент³³.

Позицию НКВД и ИККИ не разделял Воог, находившийся в то время в Мехико. Уже после провала миссии Мачадо он обещал де Леону сообщить руководству Коминтерна о потребностях венесуэльских революционеров, но одновременно посоветовал тому самому съездить в Москву и лично рассказать о ситуации. По его оценке, «венесуэльские товарищи намного лучше организованы, чем те, кто руководят либеральным движением в Никарагуа, и их перспективы противостоять американской интервенции намного больше»³⁴. Но

мнение Воога не произвело впечатления в Москве. Высшие руководители Коминтерна и внешней политики СССР не отступили от своего решения.

В конце 1926 г. в Москву поступила новая просьба о поддержке, на сей раз от UOV. Президент союза Флорес Кабрера решил не продвигаться по инстанциям, а написал непосредственно генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину.

Сальвадор де ла Пласа (слева) с другом в Москве, 1928 г.

Незадолго до появления письма в американской газете «New York Evening Enquirer» сообщалось о возможности пересмотра нефтяных концессий из-за болезни генерала Гомеса и о вероятном хаосе в связи с этим. Ф.Кабрера писал Сталину: «Вампиры из среды крупного капитала и нефтяные боровы обеспокоены: их гнилая игра — в центре внимания. Они корчатся и визжат, ибо не привыкли, чтобы им мешали. Они спрашивают: «Почему эти негодяи не занимаются своим делом?». А мы не можем. Зловонный запах их ненасытности не позволяет нам дышать.

Близится крах империалистического капитала в Венесуэле <...>. Все нефтяные концессии были предоставлены непосредственно главой государства, а значит, они незаконны с точки зрения законодательства Венесуэлы и обязательно будут пересмотрены. <...> Будет пересмотрено и многое другое. <...> Боровы будут изгнаны. И в этот судный день Симон Боливар вернется в Каракас!». За пафосно-революционными фразами последовала конкретная просьба: ввиду грядущего в стране социально-политического катаклизма оказать прямую материальную поддержку UOV как «непосредственному фактору этих перемен». Кабрера откровенно заявил: «Теперь, когда наша работа так необходима, мы ввиду катастрофической нехватки средств вынуждены прекратить деятельность. <...> Мы совершенно уверены, что при наличии финансирования <...> Венесуэльский Рабочий Союз смог бы <...> вернуться в Венесуэлу, став столь же влиятельной силой, как мексиканская CROM [Мексиканская Региональная Рабочая конфедерация (Confederación Regional Obrera Mexicana, CROM)]. Вы помогаете китайцам бороться против окопавшихся европейских и американских империалистических капиталистов. Неужели мы, сыновья Боливара, не заслуживаем этого?»³⁵.

Оба обращения венесуэльских революционеров были отвергнуты. Мотивы, по которым Москва проигнорировала просьбу PRV о помощи, лежат на поверхности. В сложной международной обстановке, когда попытки организовать вооруженные выступления в Германии и на Балканах потерпели крах, а помощь китайской революции не приводила к ожидаемым результатам, поддержка революционеров в далекой латиноамериканской стране казалась авантюрой, которая не пойдет на пользу мировой пролетарской революции. Руководство же III Интернационала, которое в иной ситуации, возможно, и попробовало бы переубедить большевистских ли-

дерев, явно находилось под впечатлением от провала в начале 1920-х годов плана панамериканской революции с центром в Мексике. Пытаться ловить «журавля в небе» ни всемирная компартия, ни ЦК ВКП(б) не собирались. Тем более их не могла не насторожить ссылка на возможность превращения UOV в венесуэльский аналог CROM: отношения между Москвой и мексиканскими левыми, с одной стороны, и реформистским мексиканским профцентром — с другой, были испорчены донельзя.

План PRV и GCR по организации вооруженной антигомесовской акции, при реализации которого венесуэльские революционеры пытались опереться на поддержку мексиканского и советского правительств, «приказал долго жить». Правительство президента П.Э.Кальеса отказалось предоставить оружие, ранее обещанное мексиканскими властями. Интерес мексиканской правящей элиты к венесуэльским событиям явно ослаб, что заставило венесуэльцев активизировать поиски оружия в других странах. Точку на проекте поставила неудачная попытка купить корабль в Доминиканской Республике, после чего мексиканские власти прекратили участие в организации экспедиции³⁶. С этого момента руководители GCR переключились на деятельность в рядах PCM, в частности, на развитие структур LADLA. С. де ла Пласа был назначен генеральным секретарем Континентального оргкомитета лиги. Мачадо представлял на Брюссельском антиимпериалистическом конгрессе (1927 г.) никарагуанскую секцию лиги и колумбийскую Революционную социалистическую партию (Partido Socialista Revolucionario, PSR), а затем направился в горы Сеговии как делегат Комитета «Руки прочь от Никарагуа» («Manos Fuera de Nicaragua», MAFUENIC) при штабе Армии защиты национального суверенитета Никарагуа (Ejército de Defensa de la Soberanía Nacional, EDSN) Аугусто Сесара Сандино. А «генерал свободных людей», как его называли, в свою очередь, назначил венесуэльского коммуниста своим представителем в Мексике³⁷.

«ГАРИБАЛЬДИЙСКИЙ ПУТЬ» ИЛИ ПРОЛЕТАРСКАЯ ПАРТИЯ... ВЫБОР СТРАТЕГИИ АНТИДИКТАТОРСКОЙ БОРЬБЫ

Континентальный комитет LADLA, находившийся под контролем PCM, и в котором активную роль играли венесуэльские коммунисты, имел свои мотивы для активной помощи антигомесовской эмиграции. В Лиге и в мексиканской компартии прекрасно осознавали и факт идеологической гетерогенности антидиктаторской оппозиции, и то, что коммунисты, хотя и оказались влиятельными среди противников режима, не являлись доминирующей силой в нем. Вожди LADLA недвусмысленно доказывали Москве: «Пример Никарагуа показывает, что неважно, какое именно военное движение против империализма является революционным. Небольшое сотрудничество с венесуэльским движением не только стало бы борьбой против самого сильного империализма в мире, создало бы основу для деятельности антиимпериалистического и коммунистического движения на Карибах <...>, но и помогло бы в сотрудничестве с Мексикой, <...> что положило бы начало переменам в политике этой страны по»³⁸. В случае успеха антигомесовской экспедиции мог быть сформирован второй, помимо Мексики, центр для развертывания «дела национального освобождения от империалистов»³⁹. Еще важнее было то, что на базе совместной борьбы мексиканские

коммунисты намеревались радикализировать позицию мексиканского руководства в противостоянии с США и превратить отношение правительства к РСМ из толерантного в благожелательное.

Но Коминтерн продолжал отрицать идею вооруженной экспедиции, не видя перспектив включения «потенциального революционного правительства» Венесуэлы в континентальное антиимпериалистическое движение. В письме коммунистам, состоящим в PRV, руководство Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ отвергло «гарибальдийский путь» свержения Гомеса и подмену массового восстания «индивидуальным героизмом». Письмо обсуждалось в апреле 1929 г. на специальном заседании ЦК РСМ с участием венесуэльцев — членов мексиканской секции III Интернационала.

ЦК партии констатировал, что в преддверии революционных битв в Венесуэле особую роль играет эмиграция, находящаяся в политической оппозиции по отношению к диктатуре и способная стать «решающим фактором» в грядущих событиях. По мнению руководства РСМ, эмиграция за два года переборолла в себе феодальный менталитет и «географический фатализм» — представление о том, что для свержения диктатуры необходимо получить поддержку США. В резолюции подчеркивалось: «PRV была создана венесуэльскими коммунистами и организацией <...>, предназначенной для борьбы с феодально-каудильистским менталитетом, борьбы с империализмом, а также для того, чтобы отобрать у «каудильо» их главенствующие позиции и освободить рабочих от их влияния. <...> впервые в венесуэльской истории была создана революционная программа, касающаяся всех существенных вопросов революционного движения»⁴⁰. Отмечалось наличие в революционной диаспоре следующих тенденций: антикаудильистов и антиимпериалистов, которых «диктатура клеймит как коммунистов», и остальной части эмиграции, включающей в себя многочисленных каудильо и либеральных реформистов, а также «служащих и студентов, наблюдающих за политикой PRV, ибо они занимают прорабочие и антиимпериалистические позиции»⁴¹.

Важным достижением PRV мексиканские коммунисты считали «переориентирование рабочих на классовую борьбу, против империализма, на защиту коммунистов», принесшее партии престиж в рабочей среде. Некоторые из рабочих, входящих в PRV, являлись «антиимпериалистически настроенными либералами и коммунистами, а все вместе они — самой активной и энергичной частью эмиграции. Они представляли собой единственную в Венесуэле политически организованную силу»⁴². Считая необходимым создание секции Коминтерна непосредственно в Венесуэле, РСМ решительно отвергла «ликвидаторские тенденции, представленные некоторыми товарищами в американской коммунистической партии», предлагавшими ликвидировать PRV, настаивая на сохранении в руководстве действующих генерального секретаря Г.Мачадо и редактора «Libertad» С. де ла Пласы.

Мексиканский план формирования братской компартии был взвешенным. В нем были учтены объективные возможности: реорганизация работы коммунистической фракции в PRV для защиты политической линии будущей PCV, тесная связь движения Венесуэлы с движением Колумбии и необходимость организации, которая сможет легально объединить эмигрантов двух стран; трансформация венесуэльской коммунистической группы в

Густаво Мачадо, 60-е годы

торию не обманешь: мелкобуржуазная партия все равно появится, так что лучше, если ее будет контролировать Коминтерн. Грольман полагал, что чисто пролетарская компартия должна сотрудничать с партией, находящейся под влиянием коммунистов PRV⁴⁴.

Тем не менее, венесуэльские эмигранты, в том числе и коммунисты, не отказались от идеи вооруженной борьбы против Гомеса, а РСМ, если и не поддержала своих венесуэльских единомышленников напрямую, то, по крайней мере, не препятствовала их деятельности. Основания для подобной позиции очевидны: мексиканские коммунисты продолжали осознавать значение венесуэльской эмиграции и надеялись использовать ее для развертывания максимально широкого антиимпериалистического фронта и проникновения в рабочее движение. PRV по-прежнему расценивалась РСМ как «антикаудильистская» и антиимпериалистическая партия, отличающаяся от либеральной оппозиции режиму Гомеса тем, что придерживалась «правильной политической линии».

В 1928 г. в Венесуэле студенческие волнения, забастовки солидарности, восстание кадетов военной школы, протесты в столичном гарнизоне продемонстрировали уязвимость режима Х.В.Гомеса. События в стране были расценены лидерами PRV как «чисто политическая забастовка», приведшая к кризису власти. Особое впечатление на них произвело участие в протестных акциях кадетов и молодых офицеров. По оценке отечественной исследовательницы Л.М.Ермакович, с этого момента в борьбу против Гомеса, которую ранее вели лишь представители господствующего класса, включились новые социальные силы — рабочие и ремесленники⁴⁵.

Изменившаяся ситуация в Венесуэле подталкивала адептов вооруженного свержения диктатуры к действию. В 1929 г. было предпринято несколько попыток свергнуть диктатуру силой оружия. Одна из них, извест-

компартию на базе членов группы, состоящих в мексиканской, американской и французской компартиях; установление контактов с рабочими-иммигрантами и начало работы по формированию компартии внутри страны; издание газеты «El Obrero». Коммунистическую фракцию PRV предлагалось превратить в консолидированную структуру, проводящую линию Коминтерна⁴³. Только после этого считалось возможным осуществление социальной революции в Венесуэле.

С позицией РСМ согласился представитель Коминтерна Грольман («Педро»), считавший необходимым организовать компартию на основе PRV — партии мелкой буржуазии, контролируемой коммунистами. По воспоминаниям Г.Мачадо, эмиссар из Москвы заявил, что ис-

ная как Атака в Кумане, или Революция «Эль Фалке»⁴⁶, была организована созданной в июне 1929 г. в Женеве Высшей хунтой венесуэльского освобождения (Junta Suprema de la Liberación Venezolana). Военным руководителем экспедиции, подготовленной в Европе, был назначен генерал Роман Дельгадо Чальбо⁴⁷. По мнению Г.Мачадо, хунта состояла из «военных, служивших диктатору и боявшихся укрепления коммунистов в Венесуэле»⁴⁸. Эта оценка была излишне категоричной. В формировании хунты действительно участвовали бывшие военные и чиновники режима. Антидиктаторскую деятельность Дельгадо Чальбо в эмиграции поддерживали его старые друзья из банка «Crédit Française» и дома Дрейфуса, венесуэльский нефтяной магнат Антонио Арангурен. Но наряду с этим основателем хунты стал сотрудничавший с левым крылом эмиграции публицист Хосе Рафаэль Покатерра⁴⁹.

Вторую экспедицию возглавлял генерал Э.Аревало Седеньо, уже имевший опыт руководства операцией вторжения в 1921 г. Еще в апреле из своей асьенды начал вооруженное восстание генерал Хосе Рафаэль Габальдон. Все предпринятые акции потерпели поражение. Эти важные события венесуэльской истории не могут, однако, затмить тот факт, что первую попытку вооруженного вторжения в 1929 г. предприняли члены PRV под руководством Г.Мачадо. Поражение знаменитого «Прыжка с Кюрасао» (так называли эту операцию) поставило точку в планах венесуэльских коммунистов свергнуть режим Гомеса вооруженным путем и стало началом конца PRV. С этого момента прекратилась реализация венесуэлько-мексиканского проекта по созданию компартии внутри Венесуэлы. В действие вступил план формирования PCV, разработанный в Москве и открывший новую страницу в истории венесуэльского левого движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Libro Rojo del General López Contreras, 1936. Documentos robados por espías de la policía política. Caracas, 1985.

² J.B.F u e n m a y o r. 1928—1948. Veinte años de política. Caracas, 1968; G.M a c h a d o. De oligarca a comunista. 1914/1974. Caracas, 1975; I.R o d r í g u e z G a l l a d. Compilación, Introducción, Cronología y Notas. Archivo de Salvador de la Plaza. Tomo I—II. Caracas, 1992; G.G a r c í a P o n c e. Memorias de un general de la utopía. Venezuela, 1976; X.Ф а р и я. Становление коммуниста. Воспоминания. М., 1983; M.C a b a l l e r o. La Internacional Comunista y la revolución latinoamericana. Caracas, 1987; I d e m. La Internacional Comunista y América Latina: La sección venezolana. México, 1978; I d e m. Entre Gómez y Stalin. Caracas, 1989.

³ В комиссию входили ветераны революционного движения Ф.Кей Санчес, О.Лусардо, Х.Корреа, Р.Х.Кортес, Р.Кинтеро, Х.Сахоха Эрнандес. — F.К е у S á n c h e z. Fundación del Partido Comunista de Venezuela. Prólogo de E.Gallegos Mancera. Segunda edición ampliada. Caracas, 1984, p. 7. Копии протоколов Политкомиссии Исполкома Коминтерна и VII конгресса о приеме PCV ЦК КПСС передал Э. Гальегосу Мансере.

⁴ P.A r a j o. 80 años de la fundación del Partido Comunista de Venezuela, Especial para Tribuna Popular. 13 de Enero de 2011. — <http://tribuna-popular.org/index.php/partido-comunista/comite-central/7936-80-anos-de-la-fundacion-del-partido-comunista-de-venezuela>

⁵ См., например, упоминавшуюся работу Кей Санчеса, написанную как обобщение работы комиссии ЦК и опубликованную первым изданием под названием «Primera célula comunista en Venezuela, marzo-5-1931 (edición preliminar)». Caracas: 1971». В предисловии к брошюре Гальегос Мансера отметил, что «под воздействием радикальных революционных изменений, происходивших в эту эпоху, значительное число эмигрантов-антигомесистов порвало с традиционными схемами политической борьбы в Венесуэле (заговоры, «перевороты», возглавляемые «генералами» и каудильо) и было завоевано марксистско-ленинской идеологией, организацией и борьбой масс, присоединилось к коммунистическим партиям,

секциям Коммунистического Интернационала в разных странах. Среди них были: а) фигуры-пионеры PCV, такие, как Густаво Мачадо, Сальвадор де ла Пласа, которые вместе с другими латиноамериканскими революционерами создали Всеамериканскую антиимпериалистическую лигу и издавали ее журнал «*Libertador*» (1925—1928). Они содействовали созданию КП Мексики и Кубы и создали важную многоклассовую организацию под названием Венесуэльская революционная партия (PRV), которая со своим печатным органом «*Libertad*», издаваемым в Мексике (1928—1930), сыграла важную роль в подъеме политического уровня антигомесистской венесуэльской эмиграции и проецировалась на [деятельность] внутри страны. <...>». Среди участников коммунистического движения во Франции и США названы также Аурелио и Мариано Фортуль, Мигель Отеро Сильва, Эдуардо Мачадо, Рикардо Мартинес и др.

Полстраницы текста для характеристики важнейшего периода революционного движения, к исследованию которого, насколько нам известно, партийные историки больше вообще не обращались! И только при праздновании 80-летнего юбилея PCV партийная газета «*Tribuna Popular*», основанная Мачадо, «вернулась» к этой теме, ограничившись перепечаткой статьи Гальегоса Мансеры, не сделав даже малейшей попытки по-новому взглянуть на события 1920-х годов.

⁶ Подробнее см.: Л.М.Ермаков и ч. Венесуэла: диктатура Хуана Висенте Гомеса. Политические силы в поисках пути развития страны. — История Латинской Америки, т. 3, 1918—1945. М., 1999, с. 280.

⁷ Отчет Сальвадора де ла Пласы. Москва, 5-го января 1928 г. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 534, оп. 7, д. 95, л. 32.

⁸ Гомперс (Gompers), Сэмюэл (1850—1924). Рабочий-табачник. Один из основателей, с 1882 г. — председатель Американской федерации труда (American Federation of Labor, AFL). Коммунисты называли деятельность AFL и находившихся под ее влиянием профсоюзов «гомперсизмом», оценивая ее как «реакционную теорию и практику профсоюзного движения в США, превращающую профсоюзы в орудие подчинения рабочих монополистическому капиталу».

⁹ R. Cárdenas. El Congreso Obrero Panamericano. — *El Libertador*, 1925, N 1, p. 3-4.

¹⁰ Письмо представителя Коминтерна в Мексике А.Штирнера заведующему Латинским секретариатом Ж. Эмбер-Дро, 27 мая 1927 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 19, д. 181, л. 92—100. — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка. М., 1998, с. 75.

¹¹ Л.В.Пегушев а. Латинская Америка: «панамериканизм» в рабочем движении. М., 1974, с. 46.

¹² J. Vasconcelos. Discursos 1920—1950. México, 1950, p. 55—61; *Boletín de la Universidad. México. Agosto de 1920. Tomo 1, N.1.* — Цит. по: R. Melgar Ba. *El exilio venezolano en México.* — *Memoria*, 1998, N 110, p. 39.

¹³ G. García Ponce. *Op. cit.*, p. 67.

¹⁴ Правительство Мексики было готово передать венесуэльским эмигрантам вооружение на сумму более 250 тыс. долл. и обещало после того, как для экспедиции будет найдено судно, вручить сумму в 7 тыс. на мобилизационные расходы. Об этом находившихся в это время в Гаване венесуэльцев проинформировал руководитель мексиканской президентской администрации генерал Альварес. — G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 3, л. 58. А.Обрегон, впрочем, преследовал и собственные внутривнутриполитические цели, желая удалить из Мексики вильястских генералов, которых венесуэльцы собирались привлечь к участию в экспедиции.

¹⁵ Среди основателей и активистов партии были венесуэльцы Х.А.Сильва Маркес, Педро Брито и Рикардо А. Мартинес, группа антигомесовских генералов, кубинец Хулио Антонио Мелья, мексиканцы Диего Ривера и Давид Альфаро Сикейрос, панамец Диогенес де ла Роса, сальвадорец Агустин Фарабундо Марти. В ячейку PRV в Мехико вошла Амалия Аллен, супруга первого генерального секретаря Мексиканской Коммунистической партии Хосе Аллена. Секции партии действовали в Венесуэле, Колумбии, США, Панаме, Франции, Пуэрто-Рико, Кубе, Тринидаде, Кюрасао. Составить представление о численности партии по имеющимся документам сложно. Парижская секция, например, в 1930 г. состояла из 9 активных членов и 3 сочувствующих. Но и большинство тогдашних латиноамериканских компартий не могли похвастаться массовым характером. — *Partido Revolucionario Venezolano. Credencial del compañero Salvador de la Plaza. México D.F., a 8 de octubre de 1927.* — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 3, л. 53; *A compañeros miembros del CEC y a los miembros de*

todas las Locales del «Partido Revolucionario Venezolano». Paris, a 26 de Febrero de 1930. — Там же, д. 16, л. 4.

¹⁶ Programme du Parti Révolutionnaire Venezuelien. Explication de quelques uns des points des principes fondamentaux de la Revolution Venezuelienne objet du Parti Revolutionnaire Venezuelien. (P.R.V.). Mexique, 31 mai 1927. — Там же, д. 3, л. 40.

¹⁷ Там же, лл. 44—45.

¹⁸ Там же, л. 46.

¹⁹ Grupo Continental Revolucionario. Salvador de la Plaza, Secretario General. Mexico. 1926. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 3, л. 35.

²⁰ Там же, л. 36.

²¹ Подробнее см.: В.Х е й ф е ц, Л.Х е й ф е ц. Айя де ла Торре. Американский коммунист? — История: электронный научно-образовательный журнал, 2011, вып. 6: Два века латиноамериканской независимости. — <http://mes.igh.ru/magazine/content/peruvian-revolutionar.html>

²² Salvador de la Plaza a Rafael Carrillo. México, a 1 de abril de 1926. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 3, л. 3.

²³ Дневник полпреда. Б/д. — Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Мексиканский отдел, ф. 0110, оп. 6, д. 1. Папка 101, л. 73.

²⁴ В одном из отчетов в Коминтерн Штирнер писал о неоднократных беседах с К. де Леоном о венесуэльском революционном движении (естественно, и с коммунистами из PRV, Г. Мачадо и С. де ла Пласой). — Письмо представителя Коминтерна в Мексике А. Штирнера заведующему Латинским секретариатом Ж. Эмбер-Дро, 27 мая 1927 г. ... с. 76.

²⁵ Письмо Раймона [Б. Михайлова]. Июль 1926. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 19, д. 182, л. 8.

²⁶ Всего через два года забастовочная борьба в Колумбии под руководством Социалистической революционной партии станет одним из центральных вопросов всего южноамериканского коммунистического движения, а коммунисты Венесуэлы и Эквадора уже в это время (первые за пределами своей страны, а вторые — на родине) демонстрировали серьезные революционные потенции. Эмиссар Коминтерна с широкими полномочиями, распространявшимися на весь континент, был не в курсе событий, хотя в других случаях сумел быстро оценить ситуацию (Чили, Аргентина, Уругвай). Подробнее см.: L.J e i f e t s, V.J e i f e t s. El giro a la izquierda en América Latina y el nacimiento del nuevo bolivarianismo: las tradiciones de la Komintern y la actualidad. — CS, 2009, N 4, p. 195—212; В.Л.Х е й ф е ц, Л.С.Х е й ф е ц. Компартия Эквадора и III Интернационал. У истоков зарождения коммунистического движения Эквадора. — Латинская Америка, 2004, № 8, с. 20—38.

²⁷ G.Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 3, л. 58.

²⁸ Мачадо отмечал, что «ввиду его прежней жизни [де Леон] является гарантией выполнения программы Революции», явно имея в виду принадлежность лидера эмиграции в прошлом к венесуэльскому истеблишменту, его службу в администрации Гомеса.

²⁹ G.Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista..., л. 59. Сумма в 15 тыс. долларов требовалась для покупки судна.

³⁰ Об этом Мачадо вспоминал в автобиографии, написанной в декабре 1952 г. Возможно, он имел в виду Лендер-секретариат ИККИ. Созыв заседания ИККИ для обсуждения этого вопроса представляется маловероятным.

³¹ G.Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista... л. 59. Представляется, что лидер РСВ мог ошибаться по поводу заявлений Москвы, экстраполируя более поздние оценки Коминтерном деятельности PRV на ситуацию 1926 г.

³² Письмо замнаркома иностранных дел СССР М.М.Литвинова в Секретариат ИККИ 3 сентября 1926 г. Личное дело Г.Мачадо. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 200, д. 16, ч. 2, л. 220.

³³ G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista..., лл. 58—59.

³⁴ Письмо представителя Коминтерна в Мексике А. Штирнера заведующему Латинским секретариатом Ж. Эмбер-Дро, 27 мая 1927 г. ... с. 76.

³⁵ Flores Cabrera, the President of the Venezuelan Workers' Union to Mr. Joseph Stalin, the Secretary of the Central Committee, November, 11, of 1926. — РГАСПИ, ф. 534, оп. 7, д. 95, лл. 1—3.

³⁶ Автобиография Г.Мачадо (1952 г.), л. 162; G.G a g s i a P o n s e. Op. cit., p. 76.

³⁷ Поездка Г. Мачадо в Москву, однако, дала импульс развитию контактов венесуэльской коммунистической эмиграции с Коминтерном. С. де ла Пласа и Кармен Фортуль участвовали в Конгрессе друзей СССР, проводившемся в рамках празднования 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции, и были избраны в его президиум. Хотя в

списке делегатов де ла Пласа назван представителем Колумбии, это было вызвано исключительно пропагандистскими целями: он прибыл в Москву с полномочиями от ЦИК PRV «по обсуждению вопросов, имеющих отношение к деятельности организации», участвовал в обсуждении мексиканского вопроса в ИККИ, выступил с сообщением о Венесуэле на заседании Исполбюро Профинтерна, был избран в Подготовительный комитет Латиноамериканской профсоюзной конференции и, как представитель Венесуэлы, назначен членом Подготовительного комитета профсоюзного конгресса в Монтевидео. Предполагалось участие де ла Пласы как делегата PRV в VI конгрессе Коминтерна, но он не мог задержаться в Москве и вернулся в Мексику, где в апреле 1928 г. выступил с докладом об антиимпериалистическом движении на V Национальной конференции РСМ, был избран членом ЦК, назначен ЦК РСМ, а июне этого же года представлял РСМ на заседаниях Политкомиссии W (C) PA, обсуждавших конфликт Континентального комитета LADLA с секретарем североамериканской секции Лиги Мануэлем Гомесом.

Делегатом Венесуэлы на VI конгрессе с совещательным голосом стал Р. Мартинес. Его выступление в дискуссии о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах носило общий характер, не затрагивая характер революции в стране и деятельность PRV. Он же представлял Венесуэлу на конференции латиноамериканских профсоюзов (Москва, апрель 1928 г.) и IV конгрессе Профинтерна Венесуэлу, был избран членом Исполбюро Центрального Совета Профинтерна, а затем назначен заведующим его Латиноамериканской секцией. — VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, вып. IV. М., 1928, с. 272—276; Известия, 1927, 11 октября; Международное рабочее движение, 1928, № 15; Partido Revolucionario Venezolano. Credencial del compañero Salvador de la Plaza. México D.F., a 8 de Octubre de 1927. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 3, л. 53; Lettre a Ricardo Martínez, Moscou, U.R.S.S. Barranquilla, Colombie, 20 juin 1928. — Там же, д. 8, л. 61; L.J e i f e t s, V.J e i f e t s, P.H u b e r. La Internacional Comunista у América Latina, 1919—1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004, p. 198—200.

К.Фортуль осталась в Москве для обучения в Международной ленинской школе по квоте, предоставленной венесуэльским коммунистам.

³⁸ Х.А.М е л ь я. Информация о Всеамериканской антиимпериалистической лиге. Москва, 25 марта 1927 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 604, л. 7.

³⁹ Венесуэла была не единственной страной, в которой планировалось осуществление вооруженной экспедиции с целью свержения диктаторского режима. Аналогичную акцию — с санкции ЦК РСМ — планировал предпринять с мексиканской или с американской территории один из вождей LADLA и руководителей РСМ кубинец Х.А.Мелья, готовый в этой связи сотрудничать с антимачадовски настроенными лидерами движения националистов. Письмо ЦК КПМ Латинскому Секретариату Коминтерна 14.7.1928. — Там же, оп. 108, д. 84, л. 42—42 об; CEMOS. Colección PCM. Caja 3, Folio 17, F.1.

⁴⁰ Resolution of the Mexican Communist Party on the Venezuelan question on the basis of the letter addressed by the Latin American Secretariat of the C.I. to the Venezuelan communists. Mexico, D. F., April 16th 1929. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 102, л. 1.

⁴¹ Там же, л. 2. Между этими двумя тенденциями шла постоянная борьба. Летом 1927 г. известный противник режима Х.В.Гомеса, один из основателей PRV генерал Э. Аревало Седеньо, дистанцировался от партии, заключив в Париже пакт с консервативными группировками эмиграции и опубликовав в гаванской газете «Diario de la Marina» открытое письмо, в котором солидаризировался с латиноамериканскими правительствами, борющимися с угрозами, «самыми серьезными из которых являются негодяи-агитаторы». Позднее Аревало осудил «коммунизм как большую ложь и способ, которым воспользуются бесстыдные и ленивые, чтобы осуществлять преступные намерения жить за счет обманутых...», а также выступил против апризма, считая его прислужником России. В сентябре 1927 г. мексиканская ячейка PRV расценила Аревало как человека, «необходимого для продолжения порядка и мракобесия и защитника североамериканских нефтяных интересов, жизни и судьбы действующих узурпаторов власти в Венесуэле, капиталистическим империализмом, поддерживающим тиранию Латинской Америки» и исключила его из партии «из-за предательства им основных принципов, которые он торжественно поклялся защищать до самой смерти». Resolution d'expulsion du Général Arevalo C. du Parti Revolutionnaire Vénézuélien. — Там же, оп. 107, д. 3, л. 50; J.S a n t R o z. Conozca quién fue el gran General Emilio Arévalo Cedeño. — <http://www.aporrea.org/actualidad/a40327.html>

⁴² Resolution of the Mexican Communist Party on the Venezuelan question... л. 1.

⁴³ Там же, л. 1—2.

⁴⁴ Report of Comrade Machado. Nov. 1929. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 11, л. 6. Представитель Коминтерна в своем подходе к венесуэльскому вопросу занял позицию, расценивавшуюся в международной коммунистической партии однозначно как «левацкая». Парадоксальным было то, что в тот момент, когда «товарищ Педро» в Мексике решал судьбы лидеров мексиканской секции III Интернационала, обвинявшихся в основном в «правом уклоне», в Москве решалось его собственное будущее. 16 августа 1929 г. делегация ВКП (б) в Коминтерне, рассматривавшая вопрос о чистке аппарата Коминтерна от «правых» или «примиренцев», приняла постановление о вызове Грольмана «по окончании его визы (через 1 ½ — 2 месяца) в Москву» и передаче его в распоряжение ЦК ВКП (б). Исполнение политического приговора после «самокритики» было на некоторое время отсрочено, и Грольман продолжил работу в качестве помощника секретаря ИККИ О. Пятницкого. Но в марте 1933 г. был исключен из партии как «правый» и осужден на три года. Вторично он арестован в 1937 г. вместе с Пятницким и расстрелян. Среди обвинений Грольмана значилось оказание финансовой помощи Троцкому. — РГАСПИ, ф. 508, оп. 1, д. 91, л. 2. Цит. по: Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004, с. 602; L. J e i f e t s, V. J e i f e t s, P. H u b e r. Op. cit., p. 143—144.

⁴⁵ Report of Comrade Machado. Nov., 1929.... л.5; Л.М.Ермачкович. Ук. соч., с. 283—284.

⁴⁶ Экспедиция отправилась к берегам Кумана из польского порта Гдыня на судне «Эль Фалке».

⁴⁷ Р. Дельгадо Чальбо участвовал в перевороте 19 декабря 1908 г., приведшем к власти Гомеса. Возглавлял мореходную кампанию, вел в Европе переговоры об участии иностранного капитала в модернизации банковской системы Венесуэлы. В 1913 г. инициировал нелегальное движение против переизбрания Гомеса, был арестован и 14 лет провел в заключении в тюрьме «Ла Ротунда». Погиб в бою 11 августа 1939 г. в Кумане.

В экспедиции участвовал его сын — Карлос Дельгадо Чальбо. После поражения повстанцев вернулся во Францию, получил диплом инженера. Женился на французской коммунистке румынского происхождения Люсии Левине. Планировал новое вооруженное вторжение в Венесуэлу. В Испании познакомился с Ромуло Гальегосом. После смерти Гомеса вернулся на родину, затем учился в Высшей военной школе в Версале. Служил в инженерных частях венесуэльской армии. Активный участник государственного переворота 18 октября 1945 г. Член Революционной Хунты, военно-морской министр. Министр обороны правительства Р. Гальегоса. Председатель Военной Хунты, свергшей Гальегоса в 1948 г. Убит 13 ноября 1950 г. ¿Por qué mataron a Delgado Chalbaud? 14 de Noviembre de 2010. — <http://www.chavez.org.ve/temas/noticias>; Carlos Delgado Chalbaud. — <http://www.fundacionjoseguillermocarrillo.com>; Román Delgado Chalbaud. — <http://www.venezuelatuya.com>

⁴⁸ Report of Comrade Machado. Nov., 1929.... л. 5.

⁴⁹ Впоследствии — первый посол Венесуэлы в СССР. См.: Н.Н и к а н д р о в. Дипломаты Сталина в Каракасе. — Латинская Америка, 2005, № 3.